

На правах рукописи

Козырева Ольга Александровна

**МОДЕЛЬ КАРТЕЗИАНСКОГО ЗНАНИЯ О СЕБЕ И ЕЁ КРИТИКА
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX-XXI ВЕКА**

09.00.03 – История философии

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Томск – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Анкин Дмитрий Владимирович

Официальные оппоненты:

Борисов Евгений Васильевич, доктор философских наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра истории философии и логики, профессор

Каримов Артур Равилевич, доктор философских наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра социальной философии, заведующий кафедрой

Нехаев Андрей Викторович, доктор философских наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет», кафедра философии, профессор

Защита состоится 26 марта 2021г. в 14.00 на заседании диссертационного совета «НИ ТГУ.09.01», созданного на базе философского факультета федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 4 ТГУ, аудитория 306).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/40aba47b-dc84-4e3a-834f-a53edfeaac51>

Автореферат разослан «___» февраля 2021 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Юрьев Роман Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

Построение единой теории знания о себе, которая была бы свободна от скрытых противоречий, является одним из перспективных направлений исследований в англоязычной аналитической философии. Под знанием о себе принято понимать знание агентом ментального состояния, в котором он находится (то есть знание так называемой установки), и содержания этого ментального состояния. Выражается знание о себе в формулировке агентом следующих видов высказываний: «Я убеждён, что», «Я хочу, чтобы», «Я верю, что», «Я чувствую, что» и т. д. В этих высказываниях выражаются второпорядковые убеждения¹ агента о его первопорядковых ментальных состояниях (убеждениях, желаниях, эмоциях и т. д.), которые представляют собой либо пропозициональные установки – когнитивные отношения агента к какой-либо пропозиции – либо феноменальные установки – когнитивные отношения агента к состоянию какого-либо переживания, например, боли. В случае

¹ Так как знание о себе – это знание агента о некотором p (ментальном состоянии), то для того, чтобы агент знал, что p , он, прежде всего, должен иметь убеждение в том, что p . Поэтому внимание большинства аналитических философов сосредотачивается, прежде всего, на том, как объяснить приписывание агентом убеждений самому себе. Также следует отметить, что, несмотря на неоднозначность представлений о том, что такое знание, в среде аналитической философии, в рамках проблематики знания о себе большинство исследователей продолжает придерживаться классического определения знания как истинного и обоснованного убеждения. Соответственно, агент знает о том, что у него имеется убеждение в том, что «Луна – спутник Земли» тогда и только тогда, когда 1) истинно, что у агента имеется убеждение в том, что «Луна – спутник Земли»; 2) агент убеждён, в том что у него имеется убеждение в том, что «Луна – спутник Земли»; 3) у агента имеются основания для того, чтобы быть убеждённым в том, что у него имеется убеждение в том, что «Луна – спутник Земли».

со знанием о себе оба типа установок предполагают, что агент непосредственно от первого лица знаком со своими убеждениями, желаниями, чувствами и т. д. и на этом основании способен приписывать себе их наличие.

В таких высказываниях важную роль играет тот факт, что в них задействовано местоимение первого лица единственного числа «Я»: приписывание убеждения некоторому субъекту *S*, который случайно оказывается мной, недостаточно для того, чтобы утверждать, что у меня имеется знание о своих ментальных состояниях, если при этом я не считаю, что я с необходимостью являюсь *S*, то есть тем, кому я приписываю наличие какого-то ментального состояния. Философскую проблему знания о себе, таким образом, можно сформулировать как вопрос о том, каким образом «определить, охарактеризовать и объяснить преимущество, которым, по-видимому, обладают самости, когда делают такие утверждения о самих себе»².

Традиционно утверждается, что знание о себе отличается от знания других объектов. В частности, по сравнению с традиционным эмпирическим знанием у знания о себе отсутствует чёткая субъект-объектная структура, оно не подвержено ошибкам и, следовательно, их исправлению, и не требует доказательств. Из-за этих свойств сам статус знания о себе как знания оказывается под вопросом. Именно поэтому в среде англоязычной аналитической философии предпринимаются попытки разработать отдельную теорию для объяснения специфики данного феномена, которая бы отличалась от теорий, объясняющих специфику знания других объектов³.

² Wright C. Self-knowledge: the Wittgensteinian Legacy // Royal Institute of Philosophy Supplement. 1998. Vol. 43. P. 102.

³ Под теорией в данном диссертационном исследовании понимается дедуктивная система высказываний, замкнутая относительно логического следования, основными функциями которой являются описание, объяснение и предсказание.

Необходимо отдельно отметить, что диссертант сознательно отказывается от перевода англоязычного термина «self-knowledge» как самопознание из-за большого числа неверных коннотаций, которое имеет это слово в русском языке. Выбранный вариант перевода – знание о себе – является наиболее адекватным семантике англоязычного термина и также сохраняет в себе некоторую смысловую неоднозначность, присутствующую в оригинальном термине. С одной стороны, под знанием о себе подразумевается знание агентом своих собственных ментальных состояний, а с другой стороны, знание о себе может рассматриваться как знание агентом некой самости, которая имеется у него. В данном диссертационном исследовании знание о себе во втором смысле анализироваться не будет, поскольку оно не входит в рамки рассмотрения проблемы знания о себе в англоязычной аналитической философии, хотя некоторые отсылки к этому смыслу на протяжении диссертации всё же будут встречаться.

Современные теории знания о себе являются откликом на сложившуюся в философии традицию представления о том, как возможно знание о себе, уходящую корнями в картезианство. Под картезианством в данном случае имеется в виду не столько философия самого Р. Декарта, сколько сложившееся в истории философии упрощённое представление о его философии и философии его последователей. То, что в картезианстве имеется разработанная теория знания о себе, безусловно, является слишком сильным утверждением, подтвердить которое достаточно сложно. Более того, сложно утверждать даже о том, что имеется картезианская концепция знания о себе. Правильнее говорить о том, что в картезианстве современными философами принято выделять несколько основных тезисов, связанных с проблемой знания о себе, которые опираются на картезианское понимание ментального в целом и на понимание «Я» в частности. Именно по этой причине для наиболее адекватного описания совокупности данных тезисов диссертантом было

выбрано понятие модели, предполагающее отображение, или репрезентацию, выбранных аспектов изучаемого объекта, в данном случае – системы картезианской философии.

С учётом того, что в англоязычной аналитической философии до сих пор не разработано адекватной теории знания о себе, и даже само понятие знания о себе вызывает множество дискуссий, обращение к историко-философским основаниям проблемы того, как возможно знание о себе, является крайне важным. Это обусловлено тем, что множество теоретических проблем из различных областей современного философского знания имеют свои истоки в работах основоположников данных областей. Поскольку в качестве главного историко-философского основания проблемы знания о себе выступает картезианское представление об этом понятии, то значимость реконструкции модели картезианского знания о себе и анализа того, каким образом эта модель подвергается критике в современной англоязычной аналитической философии XX-XXI века, не может быть переоценена. Перечисленными выше причинами и обусловлена актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования

Количество отечественных исследований в рамках аналитической философии сознания и философии языка за последние годы заметно возросло. Невозможно не упомянуть таких исследователей, как Д. В. Анкин, Е. В. Борисов, В. В. Васильев, Д. Б. Волков, В. В. Горбатов, Ю. В. Горбатова, А. Ф. Грязнов, А. Б. Дидикин, Д. И. Дубровский, А. Р. Каримов, В. А. Ладов, Л. Д. Ламберов, М. В. Лебедев, Л. Б. Макеева, С. Ф. Нагуманова, А. В. Нехаев, В. А. Суровцев, В. В. Целищев, Н. С. Юлина. Тематический охват достаточно широкий: от аналитической истории философии до метафизики и до аналитической философии права.

Но тем не менее за всё время развития аналитической философии в России в фокус внимания отечественных

исследователей проблематика знания о себе практически не попадала. Диссертанту известно лишь несколько статей соотечественников, в которых так или иначе рассматривается эта проблематика. В первой статье – «Нео-экспрессивистский подход к знанию от первого лица и его критика» А. С. Кабешкина – автор обращается к одной из существующих в современной аналитической философии концепций знания о себе – концепции неоэкспрессивизма – и критикует один из её постулатов, а именно утверждаемую сторонниками данной концепции, по его мнению, тождественность между «быть осведомлённым о ментальном состоянии» и «быть способным к выражению ментального состояния». Во второй статье авторства Е. В. Борисова – «Знание о себе как семантическая необходимость: понятие авторитета от первого лица у Д. Дэвидсона» – рассматривается проблема эпистемической асимметрии высказываний от первого и от третьего лица в версиях Х. Патнэма и Д. Дэвидсона, а также выдвигаются возражения их аргументам.

Ни одного отдельного исследования по проблеме знания о себе, которое бы обращалось одновременно и к историко-философским основаниям возникновения этой проблемы, на русском языке не опубликовано.

Однако следует признать, что близкая теме данного исследования проблематика знания от первого лица и субъективности в отечественной литературе поднималась. Так, о субъективности и самосознании писали Д. И. Дубровский, Д. И. Волков, М. А. Секацкая.

В российской философской среде чуть более известно противостояние концепций семантического экстернализма и семантического интернализма в отношении содержания ментальных состояний. Дебаты о семантическом экстернализме / интернализме тесно коррелируют с проблемой знания о себе, поскольку от ответа на вопрос, каков источник содержания ментальных состояний, зависят основные

характеристики знания о себе, на основании которых разрабатывается теория, объясняющая это понятие. Близкой дебатам семантического экстернализма / интернализма является проблематика эпистемического экстернализма / интернализма, связанная с вопросом о факторах, благодаря которым убеждение может считаться обоснованным. Данная проблематика обстоятельно представлена в работах А. Р. Каримова.

Проблематику собственно семантического экстернализма / интернализма поднимали в своих статьях Д. В. Винник, Е. В. Вострикова, И. В. Джохадзе, Д. В. Иванов, Г. С. Рогонян, К. Г. Фролов. Перечисленные авторы в основном либо обсуждали проблематику семантического экстернализма / интернализма в виде обзоров существующих версий данных концепций и предлагаемых аргументов в пользу той или иной версии, либо рассматривали данную проблематику в контексте иных проблем аналитической философии. В фокус внимания отечественных исследователей в основном попадают работы таких зарубежных философов, как Т. Бёрджа, Д. Дэвидсона, Дж. МакДауэла, Х. Патнэма.

Так же, как и в ситуации с проблематикой знания о себе, монографии по данной проблеме отсутствуют. Диссертанту известно только одно более серьёзное исследование проблемы семантического экстернализма / интернализма, проведённое Ф. А. Станжевским. Однако и оно в целом посвящено не столько собственно семантической проблематике, сколько историко-философскому исследованию индивидуалистической антропологии и философии сознания в современной философии.

Тем не менее среди работ российских исследователей, представляющих интерес для данного диссертационного исследования, можно выделить те, в которых ставятся проблемы определения понятий ментального состояния и пропозициональных установок, а также эпистемологические проблемы философии сознания. К исследователям этих проблем можно отнести Д. В. Иванова, А. В. Кузнецова,

С. Ф. Нагуманову, Д. В. Винника, С. М. Левина, М. А. Секацкую. Отдельно стоит отметить диссертационное исследование А. А. Дмитриевой, посвящённое проблеме интроспекции в аналитической философии с историко-философских позиций.

В зарубежной англоязычной литературе ситуация обстоит кардинально иным образом. Попытки дать ответ на вопрос о том, что есть знание о себе, построив адекватную теорию, предпринимались многими философами языка и философами сознания. Наибольший интерес для данного диссертационного исследования представляют работы следующих зарубежных философов: С. Шумейкера, Г. Эванса, Д. Бар-Он, А. Бёрна, Ф. Дретске, Д. Финкельштейна, Р. Морана, Т. Бёрджа, Х. Патнэма, К. Райта, П. Каррутерса.

Вышеперечисленные авторы защищают различные концепции в отношении природы знания о себе⁴, однако все они сходятся в том, что, во-первых, теория знания о себе должна отличаться от теории знания об иных объектах, а во-вторых, теория знания о себе должна объяснять базовое для современной философии противопоставление между перспективой от первого лица и перспективой от третьего лица.

Отдельно стоит отметить, что все вышеперечисленные философы развивают свои собственные концепции посредством обращения к картезианской традиции понимания знания о себе и её критики. Так, С. Шумейкер, Ф. Дретске, А. Бёрн, Г. Эванс и Р. Моран активно критикуют картезианское представление об интроспекции как способе агента получать знание о своих ментальных состояниях. Метафизический характер объяснения в картезианстве отличительных свойств знания о себе, а также

⁴ Среди этих концепций имеются такие, как новая теория прозрачности, языковой конститутивизм, экспрессивизм и другие. Подробнее характеристика каждой из них (а также их основные представители) представлена в главах диссертации в контексте того, как в рамках этих концепций осуществлялась критика модели картезианского знания о себе.

предполагаемое отличие знания агента о своих ментальных состояниях от знания о ментальных состояниях других агентов критикуются К. Райтом и П. Каррутерсом. Д. Бар-Он и Д. Финкельштейн критически относятся к имеющейся в картезианстве идее о том, что знание о себе следует рассматривать как отчёт агента о своих ментальных состояниях. Под сомнение картезианскую традицию в понимании взаимосвязи ментальных состояний агента и внешнего мира ставят Х. Патнэм и Т. Бёрдж.

Именно факт того, что ни одна современная концепция знания о себе не обходится без критического прочтения картезианской философии, позволяет утверждать, что взгляды аналитических философов XX-XXI века во многом являют собой реакцию на сложившееся в философии представление о том, как возможно знание о себе в рамках картезианства. Более того, как раз те положения, которые выделяют аналитические философы в качестве наиболее отражающих сущность картезианского подхода к знанию о себе, и формируют общее представление о том, что же такое картезианство.

Для описания сложившегося положения дел в англоязычной аналитической философии очень удачно подходит понятие «теневого истории философии», введённое Р. Уотсоном для обозначения совокупности философских систем или позиций конкретных мыслителей прошлого, которые фактически создаются самими философами (с определённой долей искажений и упрощений) в качестве основы для развития собственных представлений посредством их критики⁵. Картезианство может быть понято как один из примеров такой «теневого истории философии», и ответственность за его возникновение лежит не столько на Р. Декарте и его сторонниках, сколько на самих англоязычных аналитических философах, которые развивали свои собственные идеи

⁵ См. Watson R. A. Shadow History in Philosophy // Journal of the History of Philosophy. 1993. Vol. 31. № 1. P. 95–109.

посредством критической оценки картезианской философии. Поэтому в основу настоящего исследования ложится рассмотрение не столько философии Р. Декарта, сколько представлений аналитических философов о том, какой была, по их мнению, эта философия.

Объект и предмет исследования

Объектом диссертационного исследования является совокупность теорий знания о себе в англоязычной аналитической философии. Предметом исследования является реализуемая в данных теориях критика модели картезианского знания о себе.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить, является ли успешной критика модели картезианского знания о себе в рамках современных теорий знания о себе в англоязычной аналитической философии.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. эксплицировать модель картезианского знания о себе, выделив набор базовых аспектов картезианского знания о себе;
2. выяснить степень эффективности критики метафизического аспекта модели картезианского знания о себе;
3. установить обоснованность критики методологического аспекта модели картезианского знания о себе;
4. выявить действенность критики семантического аспекта модели картезианского знания о себе.

Методология и методы исследования

Данное исследование носит историко-философский характер. Это означает, что оно направлено на рациональную реконструкцию (понимаемую в смысле, который придавал ей Р. Рорти) позиций выбранных философов, предполагающую выдвижение определённых тезисов и подбора к ним доказательств. Наиболее явно смысл рациональной

реконструкции проявляется в формулировке диссертантом модели картезианского знания о себе: выдвигаются определённые тезисы, требующие доказательств, и для их защиты подбираются релевантные тексты, прошедшие процесс интерпретации. Предлагаемое понимание историко-философского исследования как рациональной реконструкции созвучно идее проблемного подхода в истории философии, как он сформулирован М. Н. Вольф и И. В. Берестовым.

Настоящее исследование не предполагает собой осуществление масштабной историко-философской реконструкции всех сформулированных когда-либо в англоязычной аналитической философии теорий знания о себе. Это исследование направлено на анализ исключительно одного из аспектов теорий знания о себе, а именно – на критику аналитическими философами модели картезианского знания о себе, которая во многом являлась отправной точкой для разработки этих теорий. По этой причине в настоящем исследовании превалирует аналитическое изложение и последующая оценка состоятельности вариантов обозначенной выше критики.

Более детально в работе используются следующие методы:

1. Контекстуальный анализ, который позволяет эксплицировать основные понятия и положения картезианства, вычленив базовые аспекты модели картезианского знания о себе и предлагаемых ей в качестве альтернативы теорий.

2. Компаративный анализ, который позволяет сопоставить стратегии критики модели картезианского знания о себе, предпринимаемые различными аналитическими философами.

Научная новизна

Данное диссертационное исследование является одной из первых не только в российской, но и в зарубежной истории философии работ по изложению и анализу критической

аргументации против картезианской традиции понимания знания о себе, реализуемой в теориях знания о себе в англоязычной аналитической философии.

1. Эксплицирована модель картезианского знания о себе за счёт детальной формулировки её основных аспектов – метафизического, методологического и семантического. Выделены базовые положения для каждого из аспектов, а также продемонстрирована их взаимосвязь, обеспечивающая возможность утверждать, что в картезианстве действительно имеется определённое представление о знании о себе. Определено, что базовыми положениями метафизического аспекта являются тезис о приватности ментальных состояний и тезис о привилегированном доступе агента к своим ментальным состояниям, базовым положением методологического аспекта – представление об интроспекции по аналогии с восприятием объектов внешнего мира, базовым положением семантического аспекта – позиция интернализма в отношении значения понятий и содержания ментальных состояний.

2. Дан подробный анализ основных аргументов сторонников антикартезианского представления о знании о себе против каждого из сформулированных диссертантом аспектов модели картезианского знания о себе. В число этих сторонников входят представители таких направлений, как логический бихевиоризм, теория интерпретативного сенсорного доступа, языковой конститутивизм, новая теория прозрачности (в различных её вариантах), неэкспрессивизм, экстернализм. Выявлены неявные предпосылки указанных аргументов, реконструированы теории знания о себе, развиваемые англоязычными аналитическими философами на основании предлагаемых ими антикартезианских аргументов.

3. В результате проведённого анализа успешности данных аргументов в отношении преодоления модели картезианского знания о себе (как с точки зрения оценки правильности самих аргументов, так и с точки зрения оценки

следствий принятия теорий знания о себе, развиваемых на основании этих аргументов) был сделан вывод о том, что картезианское представление о знании о себе в англоязычной аналитической философии не преодолено. Этот вывод подкреплён указанием на конкретные сложности, возникающие в развиваемых англоязычными аналитическими философами теориях знания о себе: наличие неявных допущений картезианского характера и внутренняя противоречивость.

4. Произведена подробная историко-философская реконструкция теорий знания о себе, разрабатываемых С. Шумейкером, Р. Мораном, К. Райтом и Д. Бар-Он с акцентом на их антикартезианский характер.

5. В русскоязычный научный оборот введено большое количество исследований на английском языке, ранее не переведённых на русский язык. В частности, исследований таких философов, как С. Шумейкер, Р. Моран, Г. Эванс, Д. Бар-Он, Д. Финкельштейн, Т. Бёрдж, П. Каррутерс, К. Райт.

Положения, выносимые на защиту

1. Модель картезианского знания о себе является следствием картезианской концепции «Я» как внутреннего наблюдателя ментальных состояний. Основными аспектами модели картезианского знания о себе являются метафизический (каковы отличительные свойства знания о себе), методологический (каким способом агент приобретает знание о себе) и семантический (каков источник значения понятий и содержания ментальных состояний агента) аспекты. Метафизический аспект конкретизируется двумя тезисами – тезисом о приватности ментальных состояний и тезисом о привилегированном доступе агента к своим ментальным состояниям. Принятие этих тезисов влечёт за собой возникновение в картезианской философии проблемы взаимоотношения ментального и телесного, сложности с объяснением феноменов самообмана и самозаблуждения, а также проблему невыразимости феноменальных аспектов

ментальных состояний агента. Методологический аспект связан с представлением об интроспекции по аналогии с восприятием объектов внешнего мира, в результате чего это представление получает название наблюдательной модели интроспекции. Ограниченность этой модели заключается в том, что в ней постулируется реализм в отношении ментальных состояний агента и предполагается невозможность способности агента к интроспекции функционировать неправильно. Семантический аспект представлен позицией интернализма, согласно которой значения понятий и содержания ментальных состояний не зависят от эмпирических и социальных фактов. Взаимообусловленность трёх аспектов модели картезианского знания о себе даёт основания утверждать, что критика первого и второго аспектов с необходимостью должна приводить и к критике третьего аспекта.

2. Критика метафизического аспекта модели картезианского знания о себе включает в себя аргументы против метафизического характера таких свойств знания о себе, как непогрешимость и бесосновность. Данные аргументы в основном нацелены на то, чтобы продемонстрировать, что указанные свойства носят языковой и / или социальный характер, то есть обусловлены случайно сложившимися окружающими условиями и не связаны с принятием метафизики картезианского толка. Выяснено, что эффективность данного вида критики снижается за счёт того, что предполагаемое этими аргументами устранение метафизичности реализуется в рамках элиминативной стратегии, а это приводит к представлению проблемы знания о себе как псевдопроблемы (это наиболее явно обнаруживается в концепции Д. Деннета). Развиваемые на основе обозначенных аргументов теории знания о себе в англоязычной аналитической философии сами в итоге оказываются либо противоречивыми (например, у Г. Райла), либо основанными на принятии иных допущений картезианского характера (например, у П. Каррутерса).

3. Критика методологического аспекта модели картезианского знания о себе предполагает аргументы, во-первых, против представления об интроспекции по аналогии с моделью восприятия (аргумент С. Шумейкера), во-вторых, против идеи о том, что интроспекция предполагает обращение «внутри» агента (аргументы Ф. Дретске, Г. Эванса и А. Бёрна), в-третьих, против представления о том, что ментальные состояния существуют до момента высказывания агента о них (аргументы Р. Морана), и, в-четвёртых, против того, что такие высказывания представляют собой интроспективные отчёты агента о своих ментальных состояниях (аргументы Д. Бар-Он и Д. Финкельштейна). Критика этих картезианских по своей природе представлений выглядит обоснованной и в целом справляется с демонстрацией несостоятельности картезианской идеи интроспекции, однако страдает от определённых недостатков, связанных с принятием иных допущений картезианского характера. В частности, С. Шумейкер упускает из вида вопрос об условии наличия причинно-следственной связи между ментальным состоянием агента и убеждением о нём. Концепция Ф. Дретске при всех её положительных моментах оказывается незащищённой от критики С. Шумейкера, так как интроспекция в ней понимается как «смещённое восприятие». Радикальность позиции Р. Морана, связанная с тем, что задача агента состоит не в приобретении знания о своих ментальных состояниях, а в их конструировании посредством подбора для себя рациональных причин для нахождения в них, приводит к неявному отрицанию самой идеи построения теории знания о себе. Неоэкспрессивизм в принципе основывается на дуализме «внутреннего» и «внешнего», что является наследием картезианства.

4. Критика семантического аспекта модели картезианского знания о себе заключается в аргументации против интерналистского подхода в отношении значения понятий и содержания ментальных состояний, что эквивалентно

защите экстерналистского подхода, который существует в виде двух основных типов – естественного экстернализма и социального экстернализма. Основным возражением аргументам Х. Патнэма, Д. Дэвидсона и Т. Бёрджа в пользу экстернализма является возражение о несовместимости экстернализма и идеи знания о себе (М. МакКинзи, П. Богоссян). Делается вывод о том, что подобная несовместимость возникает только тогда, когда знание о себе сводится к тезису о привилегированном доступе агента к содержанию своих ментальных состояний, из этого следует, что представление о знании о себе, свободное от этого тезиса, совместимо с экстернализмом. Одна из стратегий защиты интерналистов состоит в использовании понятия содержания ментального состояния в узком смысле, под которым понимается такое содержание, которое не детерминировано внешними по отношению к носителю ментального состояния факторами. Отмечается, что введение этого понятия в теорию знания о себе приводит ко всем стандартным трудностям картезианства – проблеме приватности, невыразимости и общей метафизичности теории. Делается вывод о том, что действенность критики семантического аспекта напрямую связана с отказом от понятия содержания ментального состояния в узком смысле. Сторонники экстерналистского подхода демонстрируют, что этот отказ не только возможен, но и желателен с точки зрения построения теории, так как ведёт к уменьшению метафизической картезианской «нагрузки» на неё.

5. Попытка преодоления аналитическими философами картезианской традиции представления знания о себе может быть оценена как успешная лишь частично. Критика семантического аспекта модели картезианского знания о себе выглядит более убедительной, чем критика метафизического и методологического аспектов, которая либо страдает от внутренней несогласованности и нежелательных следствий, либо имплицитно содержит в себе самой картезианские мотивы.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что, во-первых, оно вносит вклад в изучение аналитической традиции философии сознания и философии языка, тем самым закрывая брешь в отечественном историко-философском дискурсе, связанную с малоизученностью проблематики знания о себе. Во-вторых, диссертационное исследование позволяет прояснить концептуальные основания, структуру, сильные и слабые стороны существующих теорий знания о себе, что способствует продвижению на пути к построению полной и непротиворечивой (насколько это возможно) теории знания о себе. В-третьих, значимость данного исследования обусловлена и его собственно историко-философским характером: несмотря на то, что картезианство как традиция часто критикуется в современной философии, представление об этой традиции, не говоря уж о философии самого Р. Декарта, страдает от упрощений. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка избавить это представление от упрощений посредством тщательной проработки аспектов модели картезианского знания о себе.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит, прежде всего, в том, что на его основании могут быть разработаны как историко-философские, так и проблемные курсы в области аналитической философии сознания, философии языка и эпистемологии. В частности, речь идёт о разработке таких тем, как понимаемая в широком смысле эпистемология ментального, статус и природа пропозициональных установок, проблема определения знания, вопрос о модальностях *de se*.

Также полученные результаты диссертационного исследования могут стать методологическим основанием более

прикладных областей знания, а именно – нейро- и когнитивных наук, искусственного интеллекта, лингвистики.

Степень достоверности результатов исследования

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена использованием принятых в истории философии методов исследования и подробным изучением корпуса научных текстов, опубликованных как в России, так и за рубежом.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационной работы и полученные в ней результаты нашли отражение в публикациях автора по теме исследования, из которых четыре статьи опубликованы в ведущих журналах, рецензируемых ВАК РФ. Отдельные положения диссертационной работы были представлены автором на различных всероссийских и международных конференциях в г. Екатеринбурге (2018 г., 2019 г.), г. Томске (2017 г., 2018 г., 2019 г.), г. Новосибирске (2019 г., 2020 г.), г. Утрехте (2020 г.).

Исследования, представленные в диссертации, осуществлялись в том числе и в рамках проекта, поддержанного РФФИ «Проблема приватности в контексте взаимоотношения аналитической и постструктуралистской философии» № 18-311-00324.

Структура и объем исследования

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, разделённых на 11 параграфов, заключения и списка литературы, который включает в себя 167 наименований. Общий объём диссертации – 210 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, описывается степень её разработанности, выделяются объект и предмет исследования,

формулируются цель и необходимые для её достижения задачи. Также уточняются методологические основания и конкретные методы исследования, формулируются научная новизна и положения, выносимые на защиту. Дополнительно обосновывается теоретическая и практическая значимость исследования, раскрываются степень достоверности и апробация полученных результатов, указывается основная структура исследования.

Глава 1 «Основные положения модели картезианского знания о себе» посвящена реконструкции модели знания о себе в картезианстве. В трёх параграфах данной главы последовательно рассматриваются три аспекта модели картезианского знания о себе – метафизический, методологической и семантический аспекты – а также демонстрируется взаимосвязь между ними. Непосредственное изложение аспектов предваряет обсуждение целесообразности выдвижения гипотезы о том, что возможно реконструировать модель картезианского знания о себе, и значимости местоимения «Я» в высказываниях агента, выражающих его второпорядковые ментальные состояния.

В параграфе 1.1 «Привилегированный доступ к ментальным состояниям и приватность ментального как метафизическое основание возможности знания о себе» анализируются метафизические по своей природе условия возможности знания о себе в картезианской философии. Определяется, что в картезианстве этими условиями выступают два тезиса – тезис о привилегированном доступе агента к своим ментальным состояниям (носитель ментальных состояний обладает особым по сравнению с третьими лицами эпистемическим доступом к своим ментальным состояниям) и тезис о приватности ментальных состояний агента (ментальное состояние обладает свойством приватности тогда и только тогда, когда непосредственным эпистемическим доступом к такому ментальному состоянию обладает исключительно

носитель этого ментального состояния). Данные условия является метафизическим, так как они являются следствием картезианской метафизики, использующей две основные категории – ментальное и физическое. Объясняется взаимосвязь между этими тезисами, указывается, что следствием их принятия является признание дуалистической онтологии, в которой свойства знания агента о себе отличаются от свойств знания агента о других объектах. Приводятся фрагменты работ Р. Декарта, на основании интерпретации которых англоязычные аналитические философы формируют определённое представление о метафизическом аспекте модели картезианского знания о себе. Отмечаются основные сложности картезианской философии, выделяемые данными философами в связи с принятием обозначенных метафизических тезисов:

- а) проблема взаимоотношения ментального и телесного;
- б) существование феноменов самообмана и самозаблуждения;
- в) невыразимость феноменальных аспектов ментального.

В параграфе 1.2 «Интроспекция как методологический принцип обретения знания о себе» изучается методологический аспект знания о себе в картезианстве, то есть то, каким способом агент приобретает знание о своих ментальных состояниях. Обосновывается, что картезианская философия привержена наблюдательной модели знания о себе, в которой основную роль играет интроспекция. Интроспекция понимается по аналогии с восприятием объектов внешнего мира, как некоторое квазивосприятие объектов внутреннего – ментального – мира. Излагается описание такой модели интроспекции, предложенное С. Шумейкером, в дополнение рассматривается вариант описания картезианского представления о способе приобретения знания о себе, предложенный Д. Финкельштейном, – детективизм. Приводятся фрагменты работ Р. Декарта, на основании интерпретации которых англоязычные аналитические философы формируют определённое представление о методологическом аспекте

модели картезианского знания о себе. Выявляется, что картезианское представление об интроспекции требует допущения отдельного наблюдателя ментальных состояний, осуществляющего интроспективные акты. Указывается, что такое представление приводит к ряду проблем, отмечаемых англоязычными аналитическими философами: а) проблема реализма в отношении ментальных состояний; б) проблема невозможности интроспекции «дать сбой» в функционировании.

В параграфе 1.3 «Интернализм в отношении содержания ментальных состояний как семантический коррелят знания о себе» исследуется вопрос о том, как в картезианстве определяется значение понятий и содержание ментальных состояний агента, знание о которых он приобретает в процессе интроспекции. Ответ на этот вопрос заключается в указании на то, что содержание ментального состояния агента не зависит от эмпирических и социальных фактов, и может быть известно ему *a priori*, поскольку к этому ведёт принятие метафизических тезисов, рассмотренных в параграфе 1.1. Такой ответ даётся на примере преимущественно точки зрения Т. Бёрджа с привлечением взглядов Х. Патнэма и П. Богоссяна. Приводятся фрагменты работ Р. Декарта, на основании интерпретации которых англоязычные аналитические философы формируют определённое представление о семантическом аспекте модели картезианского знания о себе. Подводится итог, согласно которому семантический аспект модели картезианского знания о себе представлен позицией интернализма, в рамках которой важное значение играет понятие содержания ментального состояния в узком смысле – содержания, которое детерминировано внутренне присущими свойствами агента, которые не зависят от условий окружающего мира. Отмечается, что англоязычные аналитические философы занимают противоположную позицию – экстерналистскую – и стремятся отказаться от этого понятия и, как следствие, от концепции семантического интернализма. Для них является

очевидным тот факт, что критика двух первых аспектов модели картезианского знания о себе – метафизического и методологического – с необходимостью должна сопровождаться и критикой семантического аспекта.

Глава 2 «Критика метафизического аспекта модели картезианского знания о себе» представляет собой анализ аргументов, предлагаемых в англоязычной аналитической философии против метафизического аспекта модели картезианского знания о себе. Наиболее показательна критика данного аспекта осуществляется при рассмотрении таких свойств знания о себе, как непогрешимость и безосновность.

В параграфе 2.1 «Критика метафизического характера свойства непогрешимости» рассматривается критика Д. Деннета, Д. Дэвидсона и К. Райта картезианского способа обоснования приписывания знанию о себе свойства непогрешимости: высказывание агента S о своих ментальных состояниях P является непогрешимым, если невозможно, чтобы P было ложным. Это обусловлено тем, что агенту от природы присуща способность иметь истинные убеждения о своих ментальных состояниях. Отмечается, что данная критика направлена на доказательство того, что отличительные свойства знания о себе обусловлены их языковым и / или социальным характером. Анализируются позиция конститутивизма К. Райта, согласно которой существует эквиваленция между нахождением агента в ментальном состоянии и его убеждением об этом; позиция Д. Дэвидсона, с точки зрения которого свойство непогрешимости знания о себе обеспечивается грамматической асимметрией между высказываниями агента о своих ментальных состояниях от первого лица и высказываниями других агентов от третьего лица; и позиция Д. Деннета, для которого высказывания агента о своих ментальных состояниях – это нарративы, которые не отсылают к ментальным состояниям, а их свойство непогрешимости обусловлено сложившейся языковой практикой. Приводится возражение, согласно

которому продемонстрированное устранение метафизичности происходит за счёт элиминации содержания понятия знания о себе, что ведёт к тому, что проблема объяснения специфики знания о себе становится псевдопроблемой. Связано это с тем, что высказывания агента о своих ментальных состояниях не отсылают к ментальным состояниям, и, значит, у них нет референта во внешнем мире. Это ведёт к тому, что знание агента о своих ментальных состояниях «замыкается» на самом себе, и такое «замыкание» ничем не лучше «замыкания» картезианского Эго («Я») на самом себе.

В параграфе 2.2 «Критика метафизического характера свойства бесосновности» анализируются аргументы Г. Райла и П. Каррутерса, направленные на доказательство того, что знание о себе не обладает свойством бесосновности, приписываемым ему в картезианской философии. Бесосновным считается такое высказывание агента *S* о своих ментальных состояниях *P*, что *P* не основано ни на наблюдении, ни на умозаключении. Демонстрируется, что данная критика предполагает доказать отсутствие отличий знания агента о своих ментальных состояниях от его знания о ментальных состояниях других агентов. Это связано с тем, что бесосновность знания о себе проистекает из принятия метафизических тезисов из параграфа 1.1, а опровержение, по крайней мере, одного из них требует того, чтобы агент приобретал знание о своих ментальных состояниях так же, как он приобретает знание о ментальных состояниях других агентов. Отмечается, что диспозиционный анализ ментальных состояний Г. Райла страдает от серьёзных проблем: а) проблема с определением содержания ментального состояния; б) проблема с объяснением свойства спонтанности у высказываний агента о своих ментальных состояниях; в) проблема самозамкнутости. П. Каррутерс обходит эти проблемы, но впадает в картезианство из-за допущения аналогии между знанием о себе и восприятием внешних объектов и постулирования «телепатической» способности

приписывать ментальные состояния себе и другим агентам. Делается вывод о том, что намерение доказать отсутствие у знания о себе свойства бесосновности избавляет от угрозы возникновения проблемы знания других сознаний, но попытки реализовать это намерение либо нагружены картезианскими аспектами (как в теории интерпретативного сенсорного доступа П. Каррутерса), либо страдают от внутренних проблем (как в концепции логического бихевиоризма Г. Райла).

Глава 3 «Критика методологического аспекта модели картезианского знания о себе» посвящена аргументам англоязычных аналитических философов против картезианской идеи интроспекции. Данные аргументы подразделяются на две группы: аргументы против представления об интроспекции по аналогии с восприятием внешних объектов и аргументы против представления об интроспекции как о методе приобретения агентом знания о своих ментальных состояниях.

В параграфе 3.1 «Критика представления об интроспекции по аналогии с моделью восприятия внешних объектов» исследуется аргумент С. Шумейкера от самозаблуждения, призванный продемонстрировать логическую невозможность существования агента, который бы заблуждался относительно своих ментальных состояний. Из логической невозможности существования такого агента должен следовать отказ от представления об интроспекции по аналогии с моделью восприятия внешних объектов. Этот отказ связан с тем, что если способность интроспекции функционирует так же, как и способность восприятия, то агент не застрахован от ошибочного приписывания себе каких-либо ментальных состояний. Обсуждается позиция самого С. Шумейкера, который предлагает рассматривать в качестве основания знания о себе не процесс интроспекции, а наличие у агента рациональности, интеллектуальных и концептуальных способностей. Приводится ряд возражений аргументу С. Шумейкера: а) слишком тесная связь между знанием о себе и рациональностью

(Д. Финкельштейн, Б. Гёртлер); б) агент не столько знает свои ментальные состояния, сколько имитирует наличие у себя такого знания (А. Бёрн); в) отсутствие разграничения между понятиями знания о себе и знакомства с собой (Э. Кайнд). Также предложено возражение о том, что аргумента С. Шумейкера недостаточно для опровержения картезианского представления об интроспекции: аргумент направлен на критику только условия независимости существования ментальных состояний агента от его знания о них, в то время как условие наличия причинно-следственной связи между ментальным состоянием агента и убеждением о нём под вопрос не ставится.

В параграфе 3.2 «Критика представления об интроспекции как обращению агента "внутри" себя» анализируются аргументы Ф. Дретске, Г. Эванса и А. Бёрна против картезианского понимания интроспекции как процесса обращения агента к своим «внутренним» ментальным состояниям. Вместо такого понимания утверждается, что агент узнает о своём ментальном состоянии, обращаясь не «внутри» себя, а «наружу» – к тому положению дел, относительно которого он может утверждать, истинно оно или нет, – и затем приписывает себе ментальное состояние. В результате ментальное состояние мыслится как прозрачное в отношении к внешнему миру, а концепции, признающие эту прозрачность, именуется новыми теориями прозрачности. Обосновывается, что для таких теорий значим факт того, что убеждения агента о своих ментальных состояниях представляют особый вид убеждений, несводимых к идентификации объекта посредством дескрипции. Этот факт именуется «невосприимчивостью к ошибке из-за неверной идентификации». Делается вывод о том, что антикартезианская направленность позиций трёх указанных философов состоит в преодолении разграничения процесса интроспекции и ментального состояния как объекта этого процесса, а также в отказе от постулирования существования «внутреннего» ментального мира агента. Рассматриваются

сложности концепции Ф. Дретске: знание о себе, во-первых, теряет свойство непосредственности, и, во-вторых, понимается как «смещённое» восприятие, а это значит, что к нему применима критика С. Шумейкера из параграфа 3.1. Также рассматриваются и сложности новой теории прозрачности: а) отсутствие единства в понимании основной процедуры определения наличия у агента знания о своих ментальных состояниях; б) невозможность установить, в каком ментальном состоянии находился агент до момента, как он сделал высказывание о нахождении себя в этом состоянии (Б. Гёртлер); в) схожесть процедуры определения агентом своего ментального состояния с интроспекций в том, что именно их наличие обуславливает особые свойства знания о себе (Д. Бар-Он); г) парадоксальность поведения агента (М. Бойл).

В параграфе 3.3 «Критика представления о предсуществовании ментальных состояний» представлен более радикальный вариант новой теории прозрачности авторства Р. Морана. Доказывается, что так как для Р. Морана знание агента о своих ментальных состояниях приобретает посредством обнаружения агентом рациональных причин для нахождения в этом состоянии, то ментальные состояния конституируются самим агентом и не существуют для него до тех пор, пока он не примет на себя обязательство по нахождению в них. Антикартезианский посыл Р. Морана состоит в том, чтобы сменить теоретическую – картезианскую – установку агента по отношению к своим ментальным состояниям на установку практическую. В теоретической установке агент отчуждён от своих ментальных состояний, они существуют сами по себе, в практической установке, напротив, агент принимает решение, какие ментальные состояния ему следовало бы иметь. Делается вывод о том, что Р. Моран не разграничивает ментальное состояние, существующее до момента обращения агента к нему, и ментальное состояние в сам момент обращения. Агент принимает решение о том, в

каком состоянии ему следует находиться, и это решение конституирует ментальное состояние в момент принятия решения. После рассмотрения основных возражений позиции Р. Морана признается радикальность его подхода: ментальных состояний самих по себе не существует, задачей агента выступает лишь их конструирование посредством поиска рациональных причин для приписывания их себе. В этой связи концепция Р. Морана не может претендовать на статус теории знания о себе, так как знание о себе оказывается удалённым из неё: агент не знает о своих ментальных состояниях, он только решает, какое состояние ему рационально иметь, а какое нет.

В параграфе 3.4 «Критика представления о высказываниях агента как об интроспективных отчётах о своих ментальных состояниях» представлена неэкспрессивистская трактовка авторства Д. Бар-Он и Д. Финкельштейна высказываний агента о своих ментальных состояниях. Эта трактовка не предполагает, что такие высказывания являются интроспективными отчётами агента об обнаруженных им ментальных состояниях. Вместо этого неэкспрессивисты рассматривают высказывания агента о своих ментальных состояниях как непосредственные выражения этих ментальных состояний, что позволяет им отказаться от постулирования отдельной способности интроспекции. Преимуществом такого подхода является сохранение двух основных принципов построения адекватной теории знания о себе: принципа семантической непрерывности и принципа эпистемической асимметрии. Прослеживаются истоки возникновения неэкспрессивизма в философии Л. Витгенштейна и У. Селларса. В связи с последним выявляются различные смыслы понятия выражения – А-выражение, С-выражение и S-выражение. Высказывается ряд возражений неэкспрессивистской концепции: а) сохранение картезианского дуализма «внутреннего» и «внешнего»; б) реализм в отношении ментальных состояний, покоящийся на

тезисе о приватности ментальных состояний; в) отсутствие объяснения, почему выражение агентом своих ментальных состояний может считаться знанием (Б. Гёртлер, М. Крисман); г) неясные основания для утверждения связи между способностью агента к выражению своих ментальных состояний и осознаваемостью этих состояний (А. С. Кабешкин).

Глава 4 «Критика семантического аспекта модели картезианского знания о себе» исследует аргументацию сторонников экстернализма в отношении значения понятий и содержания ментальных состояний, что эквивалентно критике интернализма, существующего в картезианстве. Основным способом данной критики интернализма является указание на то, что содержание ментальных состояний агента зависит от окружающей его естественной среды и от окружающего его социального мира, где языковая практика определяет, каким образом фиксируется не только значение понятий, но и содержание ментальных состояний агента.

В параграфе 4.1 «Критика представления о независимости содержания ментальных состояний от условий природной окружающей среды» анализируется позиция естественного экстернализма, согласно которой значения понятий и содержания ментальных состояний агентов зависят от условий природной окружающей этих агентов среды, а не от внутренне присущих агенту свойств. Рассматривается аргумент Х. Патнэма о Двойнике Земли, одна из версий этого аргумента, предложенная Т. Бёрджем, и аргумент о болотном человеке Д. Дэвидсона. Приводятся основные возражения их аргументам, проводится анализ антикомпатибилистского возражения о том, что экстернализм не совместим со знанием о себе, так как ведёт к неправдоподобному выводу о том, что агент может знать *a priori* об истинах о мире, знание о которых можно получить только *a posteriori* (М. Мак-Кинзи, П. Богоссян). Делается вывод о том, что антикомпатибилизм сводит знание о себе к тезису о привилегированном доступе

агента к содержанию своих ментальных состояний, в результате чего экстернализм оказывается не совместим со знанием о себе, понимаемым в рамках наблюдательной модели интроспекции. В этом случае возражения антикомпатибилистов следует рассматривать как возражения против представления об интроспекции по аналогии с восприятием внешних объектов. Утверждается, что представление о знании о себе, свободное от наблюдательной модели интроспекции, совместимо с экстернализмом. В качестве иллюстрации такого представления приводится позиция Т. Бёрджа (с оговорками), согласно которой между содержанием второпорядковых и первопорядковых убеждений имеется логическая связь, гарантирующая истинность второпорядковых убеждений агента.

В параграфе 4.2 «Критика представления о независимости содержания ментальных состояний от условий социальной среды» анализируется позиция социального экстернализма, согласно которой значения понятий и содержания ментальных состояний агентов зависят от социальной и языковой среды агентов. Основным аргументом в пользу социального экстернализма является аргумент Т. Бёрджа об артрите, пресуппозицией которого является идея Х. Патнэма об универсальном лингвистическом разделении труда. Возражения данному аргументу развиваются в направлениях доказательства того, что а) социальные условия определяют не содержание убеждений агента, а их истинность или ложность (Т. Крейн); б) не следует проводить различие между обыденным использованием понятия агентом и использованием этого понятия профессиональным сообществом врачей и учёных (А. М. Уикфорсс, Г. Сигал). Конкретизируется ещё один вид возражений экстернализму со стороны интерналистов – возражение об упущении из рассмотрения понятия ментального состояния в узком смысле (Г. Сигал, Д. Чалмерс). Указывается, что данное возражение носит картезианский характер, а введение понятия ментального состояния в узком смысле

наследует трудности картезианства, связанные с приватностью, невыразимостью и метафизичностью. Отмечается, что социальный экстернализм базируется на признании публичной природы языка и может мыслиться в связи с аргументом Л. Витгенштейна о невозможности индивидуального языка. Утверждение критиков социального экстернализма о том, что агент, не владея понятием убеждения, не способен приписывать себе убеждения о своих ментальных состояниях, и, следовательно, социальный экстернализм не совместим с идеей наличия у агента знания о себе, может быть опровергнуто указанием на то, что, по крайней мере, одна концепция знания о себе – неоекспрессивизм – подобное затруднение обходит, так как в ней знание о себе предстаёт как прямое выражение агентом своих ментальных состояний и не требует от агента владения понятием убеждения.

В **заключении** подводятся итоги проведённого исследования, резюмируются основные положения, даётся оценка соответствию поставленных в начале исследования цели, задач и полученных результатов, отмечаются перспективы дальнейшей разработки данной темы исследования.

Публикации автора, отражающие основные положения исследования:

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук:

1. **Козырева О. А.** Тезис о приватности ментального и его следствия для философии языка / О. А. Козырева // Вестник Томского государственного университета. Философия.

Социология. Политология. – 2020. – № 54. – С. 19–28. – DOI: 10.17223/1998863X/54/2. – 0,79 а.л.

Web of Science: **Kozyreva O. A.** The privacy of mind and its implications for the philosophy of language / O. A. Kozyreva // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. – 2020. – Vol. 54. – P. 19–28.

2. Козырева О. А. Субстанциальный дуализм и приватность ментального в философии Р. Декарта: критика поверхностной интерпретации / О. А. Козырева // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 452. – С. 79–87. – DOI: 10.17223/15617793/452/9. – 1,23 а.л.

Web of Science: **Kozyreva O. A.** Substance Dualism and the Privacy of Mind in Rene Descartes's Philosophy: A Critique of the Superficial Interpretation / O. A. Kozyreva // Tomsk State University Journal. – 2020. – Vol. 452. – P. 79–87.

3. Козырева О. А. О несовместимости экстернализма и картезианской модели знания о себе / О. А. Козырева // Сибирский философский журнал. – 2020. – Т. 18, № 2. – С. 168–180. – DOI: 10.25205/2541-7517-2020-18-2-168-180. – 0,69 а.л.

4. Гущин И. А. Философия сознания сквозь призму анализа языка: от метафизики до нарратива / И. А. Гущин, **О. А. Козырева** // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 40. – С. 33–45. – DOI: 10.17223/1998863X/40/3. – 1,04 / 0,52 а.л.

Web of Science: Guschchin I. A. Philosophy of mind through the prism of the language analysis: from the metaphysics to the narrative / I. A. Gushchin, **O. A. Kozyreva** // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. – 2017. – Vol. 40. – P. 33–45.

Публикации в прочих научных изданиях:

5. Козырева О. А. Аргумент С. Шумейкера от самозаблуждения: возможные возражения / О. А. Козырева // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных

исследований : материалы XVII Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск, 24–25 сентября 2019 г. – Новосибирск, 2019. – С. 58–61. – 0,17 а.л.

6. Гуцин И. А. Как используют понятийный аппарат философии сознания исследователи искусственного интеллекта: приватность мышления и его имитация / И. А. Гуцин, **О. А. Козырева** // Эпистемы : сборник научных статей. – Екатеринбург, 2017. – Вып. 12: Интеллектуальные системы: онтология, эпистемология и праксеология. – С. 43–52. – 0,58 / 0,29 а.л.

7. **Козырева О. А.** Рене Декарт о ценности воображения в рациональном знании / О. А. Козырева // Эпистемы : сборник научных статей. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 11: Ценности и нормы в структуре рационального знания. – С. 25–33. – 0,52 а.л.

Подписано в печать 12.02.2021. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,1
Тираж 100 экз. Заказ № 27

Отпечатано в типографии ИПЦ УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
print.urfu.ru

